

УДК 930.1(470).084.6

Несостоявшаяся революция С. И. Савельева

Н. Г. Кедров

Кедров Николай Геннадьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Устюжна Вологодской обл., nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу работ С. И. Савельева в контексте эволюции российской историографии коллективизации. Отмечается, что Савельев начинал свой творческий путь как последовательный сторонник идей историографической революции рубежа 1980–1990-х гг. Однако впоследствии им была предложена ревизия этих подходов и оценок. Эволюция взглядов историка рассматривается как пример изменений, произошедших в 1990–2000-е гг. в аграрной историографии.

Ключевые слова: аграрная историография, коллективизация, новая экономическая политика, российская историческая наука, С. И. Савельев.

Sergey Savelyev's Unfulfilled Revolution

N. G. Kedrov

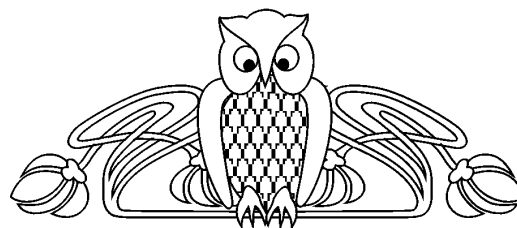
Nickolay G. Kedrov, <https://orcid.org/0000-0002-5047-8112>, 30 Proletarskay St., Ustyzhna, Vologda region 162849, Russia, nk149@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of S. I. Savelyev's works in the context of evolution of Russian historiography of the collectivization. The author notices that Savelyev began his career as the consecutive supporter of ideas of historiographic revolution during 1980-1990s. However, subsequently he offered revision of these approaches and estimates. The author considers the evolution of the views of the historian as an example of changes of events in 1990-2000s in an agrarian historiography.

Keywords: agrarian historiography, collectivization, new economic policy, Russian historical science, S. I. Savelyev.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>

По вполне понятным причинам главную роль в изучении аграрной истории сегодня занимают В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, И. Е. Зеленин. Вместе с тем не менее интересно взглянуть и на творческий путь тех ученых, которые стали основными референтами их идей. К представителям этого поколения исследователей, вне всякого сомнения, относился и Сергей Иванович Савельев. Казалось бы, в его научной биографии нет ничего особенно примечательного. Выпускник Саратовского государственного университета, свою профессиональную деятельность он связал с Саратовским государственным аграрным университетом им. Н. И. Вавилова, где прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой. В 1994 г. Савельев стал кандидатом исторических наук, а в

2005 г. защитил докторскую диссертацию. Главной темой обеих работ была социальная политика советского государства в деревне. Тем не менее за этими скупыми фактами биографии скрывается интересный и яркий ученый.

Школа историков-аграрников сложилась в Саратове еще в советский период. Ее основателем по праву считается В. Б. Островский. Будучи разносторонне эрудированным человеком, он интересовался самыми различными вопросами жизни деревни от выяснения региональных историко-этнографических традиций до дискуссий экономистов о судьбах личного подсобного хозяйства¹. Однако все же главной темой научных работ ученого стало историко-социологическое исследование колхозной деревни на современном ему этапе². Этой теме была посвящена докторская диссертация В. Б. Островского и наиболее известные из его монографий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после смерти ученого в 1990 г. его многочисленные ученики с истории переключились на исследования в области других гуманитарных наук (прежде всего социологии и политологии). Между тем историко-аграрное направление в Саратове сохранилось. Этой тематикой, в частности, активно продолжил заниматься В. М. Долгов, учеником которого и был С. И. Савельев.

Его кандидатская диссертация и монография «Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае» (Саратов, 1994) дают представление о раннем этапе творчества историка. Эти работы однозначно свидетельствуют о том, что Сергей Иванович в полной мере принял теоретические установки исследовательской программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг. Сама коллективизация трактовалась им как гражданская война режима с крестьянством³. При этом в отличие от советской историографии в состав последнего автор включал и кулаков⁴. В этом вопросе Савельев следовал, разумеется, трактовке кулачества как слоя внутри крестьянства, предложенной В. П. Даниловым. Еще один тезис даниловской программы изучения «великого перелома», также нашедший отражение в работах саратовского историка – это представление об альтернативности возможного развития СССР. Савельев тогда утверждал, что вплоть до 1928 г. существовала реальная альтернатива насильственной коллективизации⁵. Сама государственная политика рассматривалась им как исключительно дискриминационная и носящая репрессивный характер в отношении крестьянства. По этой причине

не она естественно вызвала защитную реакцию со стороны жителей деревни, описанию которой в книге и диссертации также было отведено немало места. Характерной была и сама риторика этих работ. Среди историков того времени шло своеобразное соревнование в использовании наиболее уничтожающих эпитетов для характеристики политики советского государства. Работы Савельева не стали исключением. В них можно прочесть об «открытом терроре» «беззаконии» и даже «геноциде» власти по отношению к крестьянству.

Вместе с тем они демонстрируют иное, нежели в трудах В. П. Данилова и ученых-аграрников его поколения, движение исследовательской мысли. Большинство занимавшихся проблемой коллективизации советских историков неплохо знали социально-экономическое развитие нэповской деревни и в своем анализе предпосылки «великого перелома» отталкивались именно от него. С. И. Савельев таким бэкграундом, разумеется, не обладал. Теоретической основой его собственных концептуальных конструкций стали идеи тоталитарного направления историографии. Не случайно в одной из своих книг он ссылался на широко известные работы Дж. Оруэлла и А. И. Солженицына. Там же содержится и мысль о всесии советской бюрократии, почерпнутая автором, вероятно, из теоретического наследия Л. Д. Троцкого. Данное обстоятельство наложило отпечаток на дальнейшее осмысление Савельевым предмета его исследований. Так, курс на коллективизацию историк объяснял не попытками власть предержащих решить проблемы народнохозяйственного развития, а стремлением режима подчинить своей воле деревню⁶. Причем в «экономических успехах нэпа» и наличии «крепкого зажиточного крестьянства», по словам исследователя, руководство СССР видело прямую угрозу существованию советского государства⁷. Таким образом, в предложенном С. И. Савельевым подходе изначально акцент делался на анализ политической составляющей рассматриваемых им процессов. Кроме того, историк взял на вооружение тезис о дезинтеграции общества как основе тоталитарного господства. В своих работах он постоянно говорил о мерах, предпринимаемых властью с целью «раскола деревни». Поддержка коллективизации со стороны бедняков стала, по мнению Савельева, одной из причин победы режима⁸. Следует заметить, что эти наблюдения в целом не противоречили основным интенциям программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг. Напротив некоторая вариативность в восприятии идей В. П. Данилова и других основоположников исследовательской программы в целом свидетельствует о том, что они соответствовали умонастроениям и ожиданиям, царившим на тот момент в среде российских историков. Для самого С. И. Савельева эти нюансы в трактовках, однако, имели решающее значение. Они открыли перед ним возможность собственного прочтения темы коллективизации.

После защиты диссертации С. И. Савельев активно занялся организационной работой. Немногим ранее при Саратовской сельхозакадемии был создан Межвузовский центр аграрно-гуманитарных исследований. Сергей Иванович стал исполнять при нем обязанности ученого секретаря. Одной из главных задач этого центра была координация усилий региональных исследователей-аграрников. С этой целью в сентябре 1994 г. была проведена всероссийская научная конференция «Аграрные реформы в России: опыт, проблемы, перспективы». Создатели Центра задумались также о подготовке периодического издания, в котором бы были представлены работы по аграрной тематике. Предполагалось, что таковым должен был стать ежегодник «Вопросы крестьяноведения» (Вып. 1. Саратов, 1994; Вып. 2. Саратов, 1996; Вып. 3. Саратов, 1996; Вып. 4. Саратов, 1998). На страницах этих сборников публиковались историки, экономисты, этнографы, специалисты в области сельского хозяйства. Конечно, все эти организационные проекты в определенной мере купировали усилия В. П. Данилова и Т. Шанина по институализации крестьяноведения в России. Тем не менее они, несомненно, стали значимой вехой в научной жизни региона. Во многом благодаря усилиям С. И. Савельева заложенная В. Б. Островским традиция историко-аграрных исследований в Саратове получила продолжение, а организационный центр этого направления в 1990-е гг. переместился в Саратовскую сельскохозяйственную академию⁹.

Одновременно с этой работой Сергей Иванович занимался концептуализацией полученных ранее наблюдений и выводов. Так, первый выпуск «Вопросов крестьяноведения» содержал его статью «Коллективизация и раскулачивание в судьбах российского крестьянства». Этот небольшой, но концептуально насыщенный текст уже вскоре был замечен В. П. Даниловым. Критический упрек в его адрес со стороны мэтра прозвучал во время обсуждения книги Ш. Мерля на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития». Тогда, полемизируя с немецким историком, Данилов высказал следующее замечание: «Мне представляется также несколько чрезмерным вывод о том, что источником кризиса хлебозаготовок зимой 1927/28 г., его непосредственной причиной являлось освобождение от сельхозналога 35 % бедняцких крестьянских хозяйств ... К сожалению, этот взгляд в крайне упрощенной форме начинает повторяться в новейших российских публикациях»¹⁰. Далее следовала ссылка на названную статью Савельева.

Вспомним предположить, что оценка саратовским историком причин хлебозаготовительного кризиса служила лишь поводом для недовольства мэтра. В действительности статья Савельева содержала массу тезисов, совершенно противоречивших даниловской концепции коллективизации начала 1990-х гг. Как известно, одной из важней-

ших интенций творчества В. П. Данилова на тот момент было обличение сталинизма. В соответствии с этим намерением историк подчеркнуто отделял период нэпа от последующего развития СССР. В одной из дискуссий эпохи «перестройки» он декларировал следующее положение: «Процесс кооперирования крестьянских хозяйств, перехода крестьян к социализму через кооперацию – как он намечался ленинским кооперативным планом и как его понимали современники, люди 20-х гг. – находился в непримиримом противоречии с тем, что было сделано в 30-х гг.»¹¹. С. И. Савельев, напротив, утверждал обратное: «Целесообразно весь период 20–30-х годов отнести к периоду единого и непрерывного процесса ликвидации не просто кулачества, а индивидуального крестьянского хозяйства как такового»¹².

Разумеется, В. П. Данилов не видел в нэповской экономической модели панацеи от всех бед советского народнохозяйственного развития, но сам период нэпа представлялся ему временем плодотворных экспериментов, когда перед государством и обществом была открыта реальная возможность построения «социализма с человеческим лицом». С. И. Савельев, напротив, писал о том, что нэп изначально «шел вразрез с самой сутью большевистской революции». По мнению историка, он воспринимался партийными «верхами» и «низами» как отступление от заданного курса на построение коммунистического общества. Исходя из анализа советской фискальной, кредитной и технической политики в отношении деревни ученый пришел к заключению о том, что «всей системой социально-экономических мероприятий государства широкий спектр альтернатив возможного аграрного развития искусственно сводился к одному горизонту – сплошной коллективизации»¹³. Эти наблюдения саратовского историка были прямо противоположны выводу В. П. Данилова о том, что «крутой поворот в аграрной политике был абсолютно неожиданным для всей системы политического и хозяйственного руководства сверху донизу»¹⁴.

Попытка С. И. Савельева определить свою исследовательскую нишу заметна и в его докладе «Власть и крестьянство в 20–30-е гг. (историко-политический подход)», представленном на конференции «Аграрные реформы в России: опыт, проблемы, перспективы». В нем особый акцент был сделан на рассмотрении различных способов осуществления властью политики, направленной на «раскол крестьянства», которую автор назвал «важнейшим вектором аграрного курса» советского государства. Историк выделил несколько направлений в его реализации. В экономической сфере он выражался в покровительстве бедноте и прогрессивном налогообложении, в политической – в лишении кулачества избирательных прав, а в социокультурной был связан с пропагандой культурного равенства. В результате, по мнению исследователя, власти удалось добиться «нужных сдвигов

в общественно-психологических настроениях большинства крестьянства»¹⁵. Само по себе такое объяснение существовавших в крестьянской среде антагонизмов было характерно для сложившейся к тому времени историографической парадигмы коллективизации. Однако здесь важно подчеркнуть, что избранный Савельевым вектор был направлен на высвечивание, а не ретуширование социальных противоречий в нэповской деревне.

Сказанное убеждает, что уже в середине 1990-х гг. у Сергея Ивановича возникло понимание недостаточности сложившегося в научной литературе того времени механизма объяснения процессов, происходивших в деревне. Дальнейший творческий путь историка по большому счету развивал сформировавшиеся тогда же оценки и концептуальные подходы. Во второй половине 1990 – первой половине 2000-х гг. С. И. Савельев подготовил ряд статей по частным аспектам темы, но наиболее полно последующая редакция его взглядов на коллективизацию была представлена им в книге «Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья)» (Саратов, 2004) и докторской диссертации. Очевидно, что данные работы рассматривались автором как своего рода ревизия уже сложившихся к этому времени в историографии оценок. Характеризуя постсоветскую литературу по истории коллективизации, Савельев отмечал наличие в ней двух подходов. В рамках первого основной акцент делался на критике советской аграрной политики. Согласно второму процессы, происходившие в деревне, рассматривались в контексте социальной эволюции. Этой модели отдавал предпочтение и сам Савельев¹⁶. Историк критиковал мнение Н. А. Ивницкого, согласно которому коллективизация и раскулачивание не были обусловлены какими-либо процессами в социально-экономической и социально-политической жизни общества. По мысли Савельева, предпосылкой коллективизации служил тот факт, что «дальнейшее успешное развитие страны на основе нэпа» представляло угрозу для существовавшего режима¹⁷. Но ведь, казалось бы, то же самое и имел в виду Ивницкий, утверждая, что политика шла вразрез экономической целесообразности. В чем же здесь отличие? И есть ли оно вообще? На самом деле речь шла опять же о разнице в построении историками иерархии детерминант аграрной политики советского государства. Ивницкий, обращаясь к вопросу о предпосылках «революции сверху», в соответствии со сложившейся еще в советские времена традицией исходил из анализа конъюнктурных проблем экономического развития СССР, тогда как Савельев полагал, что советская партийная элита была ориентирована не столько на решение конкретных задач, сколько на реализацию умозрительных представлений о строительстве социализма. Мысль о доктринальном факторе как предпосылке коллективизации стала важ-

нейшей составляющей собственной концепции историка. Подробному разбору этого аспекта была посвящена первая глава докторской диссертации Савельева. В ней автор рассмотрел суть марксистской доктрины в отношении крестьянства. С. И. Савельев указывал на то, что еще К. Маркс и Ф. Энгельс связывали социальную природу крестьянства с институтом частной собственности. В силу этого они, по мнению историка, не видели места крестьянства в грядущем коммунистическом обществе. В. И. Ленин, попытавшийся применить эти догматы на практике, вынужден был считаться с конкретными условиями политической обстановки. Его попытка сходу построить социализм привела к экономическому кризису начала 1920-х гг., упадку крестьянского хозяйства и колоссальным демографическим потерям. В связи с этим, продолжая заочную полемику с В. П. Даниловым, С. И. Савельев пересматривал основные вехи советского аграрного курса начала 1920-х гг. Так, Данилов введению нэпа и ленинской статье «О кооперации» (1923 г.) придавал значение нового стратегического курса партии – «пути к социализму через кооперацию»¹⁸, тогда как Савельев видел в них лишь тактические маневры, обусловленные ситуацией экономического и социального кризиса¹⁹. Сталина Савельев также представлял ортодоксальным марксистом. Он, по мнению историка, оценив результаты нэпа как преодоление кризиса и «овладение ситуацией в деревне», вернулся к заложенной в марксистской доктрине программе построения нового общества. «Очевидно, что сталинизм воплощал в себе гипертрофированные, экстремальные черты означенных сторон большевизма»²⁰, – утверждал ученый. Однако следует признать, что мысль о коллективизации как обусловленной идеологией марксизма-ленинизма политике, направленной на адресное уничтожение крестьянства, автором эмпирически не была подтверждена, это положение красной нитью проходило сквозь все содержание книги Савельева²¹.

Нацеленная на раскрестьянивание политическая линия нашла выражение в практических мероприятиях власти. «Социально-экономическая политика выстраивалась как инструмент соответствующих направленных социальных изменений»²², – писал Савельев. Этот курс выражался в экономическом и правовом ограничении кулачества, государственной поддержке коллективных форм хозяйствования, протекционизме по отношению к бедноте и плановом воздействии на крестьянское хозяйство. В связи с этим историк обратился к перестроечной дискуссии о месте XV съезда ВКП (б) в формировании курса на коллективизацию. Напомним, что тогда сформировались две основные исследовательские позиции. В. М. Селунская²³ и И. И. Климин²⁴ видели в решениях съезда своего рода веху эволюции между ленинскими подходами и последующими событиями в деревне. В то же время Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов²⁵,

В. П. Данилов²⁶ настаивали на вопиющем разрыве между подходами к решению аграрного вопроса, обозначенными съездом, и сталинским курсом на коллективизацию. Хотя формально С. И. Савельев декларировал примирительную позицию (дескать «справедливы обе оценки»), его собственная логика рассмотрения темы была все же ближе к первой из указанных версий ответа на этот вопрос. По его мнению, съезд подтвердил уже осуществляемую на практике политическую линию, направленную на «переход мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» и «дальнейшее наступление на кулачество». Согласно точке зрения саратовского исследователя события 1929–1930 гг. полужили толчком к развитию двух «изначально заданных сторон одного общего вектора большевистского аграрного курса», а правящий режим еще задолго до этого «подготовил теоретическую базу, явившуюся основой политического переворота»²⁷.

Еще одна идея, прозвучавшая в теоретическом разделе докторской диссертации С. И. Савельева, заключалась в том, что чрезвычайная ситуация, в которой формировалась советская политическая система, наложила свой отпечаток на управленческие практики и карьерные стратегии служащих аппарата власти. «Строжайшая государственная дисциплина, неукоснительное выполнение решений, указаний вышестоящих органов, усиление единоличной ответственности должностных лиц» – вот, по мнению историка, те специфические черты, которые определяли функционирование партийно-советских административных институтов. Принуждение стало для советских управленцев легитимным инструментом решения проблем²⁸. Эта поведенческая матрица, как считал исследователь, накладывалась на все уровни партийно-советской системы. В связи с этим историк несколько иначе, чем в мейнстримной версии парадигмы, решал вопрос об ответственности за насилие «революции сверху». Как известно, В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, И. Е. Зеленин в 1990-е гг. практически единогласно называли главными виновниками постигших крестьянство бедствий партийную верхушку. Не оспаривая это мнение, С. И. Савельев все же иначе расставил акценты. Весьма показательна в этом отношении трактовка деятельности Б. П. Шеболдаева на посту секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП (б). Здесь Сергей Иванович скрыто оспаривал образ этого исторического деятеля, созданный Е. Н. Осколковым²⁹.

Может показаться, что такие параллели невозможны, поскольку в работах Осколкова и Савельева описывалась деятельность Шеболдаева на различных должностях и в разных исторических условиях. Однако ранее С. И. Савельев в соавторстве с В. М. Долговым опубликовал рецензию на книгу Осколкова, в которой неверная трактовка деятельности Шеболдаева значилась в качестве одного из замечаний³⁰. В своей книге Савельев дал уже более подробную характеристику роли кра-

евого лидера в процессе коллективизации. Если в книге Осколкова Шеболдаев был представлен чуть ли не радетеlem крестьянства, изо всех сил сопротивлявшимся осуществлению предписаний сталинского руководства, то у Савельева он назван едва ли не главным застрельщиком форсирования темпов коллективизации в Нижне-Волжском крае. Согласно данным историка именно он выступил на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. с инициативой создания особой комиссии при Политбюро по проведению сплошной коллективизации и предложил сделать Нижне-Волжский край образцово-показательным районом (своего рода полигоном этого процесса). Он же в письмах региональным партийным организациям фактически санкционировал наступление на кулака и всячески подгонял темпы раскулачивания³¹. Савельев отмечал два мотива этих инициатив краевого руководителя: 1) рост кадровых перспектив; 2) привлечение в край дополнительных ресурсов. Разумеется, Шеболдаев был отнюдь не единственным поборником форсирования темпов коллективизации как в стране, так и в крае. С. И. Савельев указывал на широкое распространение подобного рода настроений в среде партаппарата.

Совокупность всех вышеперечисленных С. И. Савельевым факторов фактически не оставляла место какой-либо вариативности общественного развития. В этом аспекте историк отчасти был вынужден пересмотреть свои прежние взгляды. В докторской диссертации он писал: «Политический выбор в альтернативной ситуации ... во многом определяется доктриной». Но и Л. Д. Троцкий, и Н. И. Бухарин (и «левые», и «правые») были, по его мнению, ортодоксальными марксистами и соответственно разделяли установки учения, связанные с неприятием частной собственности и «мелкобуржуазной стихии». Их расхождения, по словам Савельева, касались лишь тактики, тогда как главная цель – осуществление социалистических преобразований общества – была у них общей³². Что касается поиска альтернатив в непосредственно экономической жизни общества, один из выводов диссертации С. И. Савельева гласил: «Классово-дифференцированный подход в социально-экономической сфере лишил крестьянские хозяйства естественных основ для подъема производительных сил и каких-либо альтернатив, кроме перехода к тотальному огосударствлению индивидуальных крестьянских хозяйств»³³.

Новую трактовку в книге и диссертации Савельева получила и тема крестьянской реакции на государственное воздействие. Говоря об этом, прежде всего, следует отметить, что саму социальную политику автор теперь рассматривал как широкий комплекс мер, не сводимый исключительно к дискриминации и репрессиям крестьянства. Большевицкий проект переустройства деревни предполагал не только борьбу с кулачеством, но и мероприятия, нацеленные на рост стандартов повседневной жизни селян, их

культурное просвещение и в целом, по мнению историка, соответствовал социальному идеалу своего времени³⁴. В связи с этим Савельев подробно описывал советские кампании по борьбе с неграмотностью, распространению научных знаний и антирелигиозной пропаганде, расширению сети школ и изб-читален, улучшению медицинского обслуживания населения. Далеко не все из этих мер встречали отторжение крестьянского социума. Рассмотренные исследователем материалы демонстрировали скорее дифференцированный характер этой реакции³⁵.

Говоря непосредственно о событиях коллективизации и раскулачивания, Сергей Иванович признавал, что они вызвали сопротивление большей части крестьянства. Однако крестьянский протест в изложении Савельева был отнюдь не моветоном крестьянской реакции. Исследователь писал о том, что «многие будучи по существу против мероприятий власти, молчаливо соглашались из-за опасения быть репрессированными», а представители локального уровня аппарата власти и батрацко-бедняцкий актив явились «проводниками заданного курса и нередко проявляли местную инициативу»³⁶. По красочности описания примеры последней в книге Савельева явно не уступали изложению историком различных форм крестьянского протеста.

Таким образом, из приведенного анализа становится ясно, что негативную реакцию крестьянского социума вызывала не столько социальная политика советского государства как таковая, сколько отдельные эксцессы, те или иные кампании, направленные на разрушение основ крестьянского быта и мировоззрения. Все это позволило С. И. Савельеву сделать вывод о том, что социальная политика и была главным фактором, позволившем большевистскому режиму поддерживать свою устойчивость. В диссертации историк писал: «В советский период удалось реализовать ряд крупных социальных программ, достичь относительно высокого уровня развития социокультурной сферы и установить гарантии социального обеспечения. Все это позволило советскому режиму сохранить реальную политическую легитимность»³⁷. Конечно же, далее исследователь говорил о неразрешимых противоречиях системы, но само по себе осмысление им природы советского политического режима коренным образом отличалось от того, которое немногим ранее дал В. П. Данилов, утверждавший, что в основе сталинского правления лежали демагогия и насилие³⁸.

Еще в 2000 г. С. И. Савельев стал заведующим кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета. Эта работа требовала от него немало организационных усилий, но будучи деятельным человеком и настоящим лидером своего коллектива, он хорошо с ней справлялся³⁹. Активное участие историк принимал в написании и редактировании

учебных пособий по истории, политологии, истории аграрных отношений, истории Саратовского края. Плодотворно Савельев продолжал заниматься и исследовательской работой. Уже после защиты докторской диссертации он совместно с Н. И. Кузнецовым и В. И. Федосеевой написал интересную, но совершенно апологетическую книгу о Н. И. Вавилове⁴⁰. В мае 2010 г., буквально только отпраздновав свое 50-летие, С. И. Савельев неожиданно для всех ушел из жизни, вероятно, так до конца и не реализовав свой исследовательский потенциал.

Творческий путь С. И. Савельева высвечивает две черты развития аграрной историографии. Во-первых, он представил некоторую вариативность в формировании постсоветской парадигмы коллективизации в отечественной исторической науке, не пошел по пути, проложенному В. П. Даниловым, хотя хорошо знал и ценил работы последнего. Он, как подобает настоящему ученому, сам выстраивал свой маршрут, порою интуитивно, не без ошибок и заблуждений вырабатывал свое видение ключевых проблем истории российской деревни в XX столетии. К этому следует добавить, что многие из его трактовок и решений важных вопросов, если и не стали общепризнанными, то вполне прижились в аграрной историографии и нередко встречаются в современных работах. Во-вторых, научная биография Савельева свидетельствует о том, что уже к началу 2000-х гг. у части российских историков-аграрников возникло понимание необходимости ревизии подходов и оценок сложившейся к тому времени парадигмы изучения коллективизации. Однако революцией эта попытка так и не стала. Ревизионистские интенции, направленные на пересмотр парадигмы в творчестве С. И. Савельева, парадоксальным образом сливались с ее отдельными положениями. В конечном итоге Сергею Ивановичу удалось преодолеть нигилистический рефрен и догматику перестроечных споров о коллективизации с их неизменным поиском некоего утопического нереализованного варианта построения социализма. Но дальше этого мысль ученого, увы, не пошла. Как и основоположники научной программы изучения коллективизации рубежа 1980–1990-х гг., в своих трудах историк ставил задачу поиска позитивных и негативных сторон этого исторического события. Его собственная трактовка «великого перелома» по сути дела не оставляла места социальным процессам ибо все основные исходные последних, по мнению историка, были детерминированы доктриной большевистской партии, а не эволюцией самого социума. Впрочем, кто знает, что бы еще смог предложить ученый, отведи ему судьба чуть больше времени.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Примечания

- 1 См. об этом: Долгов В. М. Выдающийся ученый-аграрник (к 70-летию В. Б. Островского). 1924–1990 // Вопросы крестьяноведения : в 4 вып. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 79–84.
- 2 См.: Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.
- 3 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 13.
- 4 См.: Савельев С. И. Социально-классовая политика ВКП (б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С. 14.
- 5 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. С. 139.
- 6 См.: Савельев С. И. Социально-классовая политика ВКП (б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья). С. 3.
- 7 См.: Савельев С. И. Раскулачивание : как это было в Нижне-Волжском крае. С. 72, 139.
- 8 Там же. С. 129.
- 9 См.: Долгов В. М. Полвека саратовской школе историков-аграрников // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Саратов, 2010. С. 10.
- 10 Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / ред., сост. В. Бабашкин. М., 2015. С. 367.
- 11 Коллективизация : истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 10.
- 12 Савельев С. И. Коллективизация и раскулачивание в судьбах российского крестьянства // Вопросы крестьяноведения. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 52.
- 13 Там же. С. 55.
- 14 Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 828.
- 15 Савельев С. И. Власть и крестьянство в 20–30-е гг. (историко-политический подход) // Аграрные реформы в России : опыт, проблемы, перспективы. Саратов, 1994. С. 26.
- 16 См.: Савельев С. И. Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 2004. С. 15–16.
- 17 Там же. С. 19.
- 18 См.: Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. Ч. 1. С. 816.
- 19 См.: Савельев С. И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. начало 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. С. 77–80.
- 20 Там же. С. 80.
- 21 См.: Савельев С. И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. начало 1930-х гг. (на ма-

- териалах Нижнего Поволжья). С. 65–67, 138, 140–141, 181–183, 245.
- ²² Там же. С. 67.
- ²³ См.: *Селунская В. М.* Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства СССР // Вопросы истории КПСС. 1987. № 9. С. 32–53.
- ²⁴ См.: *Климин И. И.* XV съезд ВКП(б) : проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 56–67.
- ²⁵ См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 15–33.
- ²⁶ См.: *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. С. 821–833.
- ²⁷ См.: *Савельев С. И.* Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). С. 142–145.
- ²⁸ Там же. С. 85–87.
- ²⁹ См.: *Осколков Е. Н.* Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991.
- ³⁰ См.: *Долгов В. М., Савельев С. И.* Научный взгляд на судьбы крестьянства начала тридцатых годов // Вопросы крестьяноведения. Вып. 1. Саратов, 1994. С. 135.
- ³¹ См.: *Савельев С. И.* Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). С. 159, 171, 215.
- ³² Там же. С. 70, 86–87.
- ³³ Там же. С. 27.
- ³⁴ Там же. С. 31.
- ³⁵ Там же. С. 126–127.
- ³⁶ Там же. С. 209.
- ³⁷ Там же. С. 92.
- ³⁸ См.: *Данилов В. П.* Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции : смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 162.
- ³⁹ См.: *Романченко В. Я.* По профессии историк он сам стал частью истории нашего вуза // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Саратов, 2010. С. 3.
- ⁴⁰ См.: *Кузнецов Н. И., Федосеева В. И., Савельев С. И.* Николай Иванович Вавилов : феномен ученого, человека, гуманиста. К 120-летию со дня рождения. Саратов, 2007.

Образец для цитирования:

Кедров Н. Г. Несостоявшаяся революция С. И. Савельева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 165–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>

Cite this article as:

Kedrov N. G. Sergey Savelyev's Unfulfilled Revolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 165–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-165-171>